

Региональная призма акторного подхода: Рецензия на коллективную монографию: Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / [В.В. Алексеев и др.]; отв ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.*

Regional Prism of the Actor Approach: A Review of the Collective Monograph: V.V. Alekseev et al. *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian imperial modernization (the 18th – the beginning of the 20th century): the regional dimension]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016.

В постсоветский период тема модернизации стала одной из самых привлекательных для представителей различных дисциплин социогуманитарного профиля. Именно в этом проблемном поле сначала апробировались подходы зарубежной историографии, а затем стали появляться и собственные новаторские концепции. Авторы рецензируемой монографии представляют уральскую школу, которая под руководством академика В.В. Алексеева разрабатывает конкретно-проблемную методологию изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций, акцентируя внимание на

* Для цитирования: Солодянкина О.Ю. Региональная призма акторного подхода: Рецензия на коллективную монографию: Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / [В.В. Алексеев и др.]; отв ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 2. С. 787–799. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-7

For citation: Solodyankina, O. "Regional Prism of the Actor Approach: A Review of the Collective Monograph: V.V. Alekseev et al. *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian imperial modernization (the 18th – the beginning of the 20th century): the regional dimension]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016." *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 2 (2019): 787–799, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-7>

соотношении страновой и региональной динамики, модернизации и имперского строительства, эндогенных и экзогенных факторов модернизации, цивилизационного своеобразия российских модернизаций.

Коллектив авторов, работавших над данной монографией (В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, О.Н. Богатырева, Л.А. Дашкевич, О.К. Ермакова, К.И. Зубков, Е.Ю. Казакова-Апкаримова, Н.С. Корепанов, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк, Е.Г. Неклюдов, С.А. Нефедов, М.Ю. Нечаева, И.В. Побережников, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев, Е.С. Тулисов), представляет несколько поколений ученых, от самых маститых и заслуженных, до достаточно молодых и перспективных. В случае гуманитарных наук такое соединение обычно оказывается эффективным, что и продемонстрировала рецензируемая монография. Отметим, что исследование, легшее в основу монографии, выполнено за счет гранта Российского научного фонда, что позволило участникам научного проекта и масштабнее организовать сбор источниковых материалов, и апробировать исследовательскую концепцию на различных научных форумах.

Структура монографии подчинена общему авторскому замыслу: сначала позиционируются теоретико-методологические основания исследования, затем описывается российская модель модернизации, а далее авторы переходят на уровень региона, характеризуя региональных социальных акторов и анализируя институциональных акторов модернизации. Урал, с точки зрения авторского коллектива, «ярко воплощает общие типологические черты и национально-историческую специфику перехода от традиционного общества к индустриальному»², являясь регионом фронтирной модернизации, а значит, как в зеркале отражая специфику страновой модернизации, которая также являлась фронтирной.

Авторы грамотно систематизируют подходы к модернизации, сложившиеся как в отечественной, так и зарубежной историографии (специфика российской модернизации, модели модернизации, хронологические рамки модернизации), выявляя недостатки предшествующих подходов, из которых отправной точкой для формирования уникальной авторской концепции стало общее для большинства предшественников понимание государства как почти единственного модернизационного актора. Подвергнув сомнению этот постулат, коллектив ученых обратился к идее выявления различных акторов российской модернизации и определения их роли в этом процессе.

Новизна подхода авторов видится в ориентации на «акционизм», понимаемый как «признание активной роли разнообразных субъектов», поэтому модернизация трактуется как «результатирующая многочисленных деятельностей,

² Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / [В.В. Алексеев и др.]; отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. С. 6

практик, стратегий, конфликтов, альянсов и т.д.»³ Роль теоретической рамки при этом играет структурационный подход, а методологической основой при изучении собственно модернизационных трансформаций выступает фигурационная версия теории модернизации, разработанная И.В. Побережниковым. Авторы коллективной монографии также исповедуют историко-антропологический подход, дающий возможность «антропологизировать изучение акторной инфраструктуры модернизации, дополнив, в частности, характеристики тенденций анализами мотиваций в категориях мысли самих исторических персонажей»⁴.

«Тон» всей монографии задает первая глава «Теоретико-методологические основания» (написана И.В. Побережниковым), в начале которой детально характеризуется парадигма модернизации, разбираются ее версии, анализируются работы ведущих теоретиков. Серьезный научный подход характерен для параграфа 1.2 «Акторный подход», в котором объясняется логика формирования методологии авторов исследования. Отметим, что автор демонстрирует глубокое знание историографии – как российской, так и зарубежной, – а также профессионально работает с концепциями «смежных» наук – социологическими, политологическими, культурологическими, философскими построениями, умело привлекая, интегрируя те или иные идеи в методологию собственного исследования.

Глава 2 «Российская модель модернизации: факторы, акторы, контекст» включает несколько параграфов. Параграф 2.1 «Факторы российской имперской модернизации» (написан С.А. Нефедовым) посвящен выявлению и описанию факторов модернизации, определявших «причины, побуждения и образ мыслей действующих лиц (акторов) модернизационного процесса»⁵, что позволило автору рассмотреть историю России XVII – начала XX вв. под определенным («диффузионным») углом зрения. Ключевым фактором этого периода было техническое и, в особенности, военно-техническое превосходство Запада, при этом каждая волна модернизации сопровождалась процессом синтеза новых, принесенных с Запада, и старых, традиционных для России, институтов. Так, в XVII в. в Европе прошли две диффузионные волны, связанные с появлением в Голландии океанских кораблей нового типа и военными реформами шведского короля Густава Адольфа. Последовавшие за этими событиями петровские преобразования в России, как доказывает С.А. Нефедов, имеет смысл

³ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 7.

⁴ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 26.

⁵ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 33.

рассматривать в русле диффузионистской теории, когда вслед за перениманием новой военной технологии следует и перенимание государственных, экономических, политических институтов страны-новатора, так что петровское самодержавие явилось копией шведского военно-бюрократического абсолютизма при определенном влиянии голландского культурного круга.

Волна модернизации по прусскому образцу, вызванная успехами Фридриха II, привела к освобождению дворянства от обязательной военной службы, но наложилась на вторичную французскую диффузионную волну, приведшую к «офранцузиванию» российского дворянства. Еще одна волна модернизации по французскому образцу была спровоцирована Наполеоновскими завоеваниями и привела не только к военным, но и социальным реформам: именно в этом контексте в монографии нам предлагают рассматривать конституционные проекты Сперанского и декабристов. Новым модернизационным вызовом XIX в. стали английская промышленная революция и германская «вторая промышленная революция». Как традиционалистскую реакцию на проанглийский либерализм можно воспринимать эпоху рубежа 1870-х – 1880-х годов, когда террористы рассматривались как «орудия западного влияния»⁶, но политика индустриализации И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте ориентировалась на германский образец, как и вестернизационная программа агротехнической модернизации П.А. Столыпина.

В параграфе 2.2 «Государство как актор имперской модернизации» (написан В.В. Алексеевым) обозначаются два основных этапа имперской модернизации: петровский (1700–1860 гг.) и александровский (1861–1916), но автор предлагает нам задуматься о возможности выделения виттевского этапа (1883–1906), «в течение которого С.Ю. Витте дал самый мощный толчок имперской модернизации, но, не будучи первым лицом в государстве, ... не мог всецело контролировать ее ход»⁷. Характеризуя слабые модернизационные инициативы большинства императоров, В.В. Алексеев предлагает пересмотреть устоявшиеся характеристики декабристов и воспринимать их как недооцененных акторов российской модернизации. Четкая оценка дается и уровню отставания России от передовых держав своего времени: оно носило стадийный характер, и в то время «как мир вступал в новую индустриальную стадию развития, Россия оставалась традиционной аграрной державой»⁸.

⁶ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 39.

⁷ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 42.

⁸ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 44.

Акторская роль государства, по мнению уральского ученого, проявилась в принятии решения об отмене крепостного права и последующем проведении целого ряда реформ, в развертывании железнодорожного строительства, в активных мерах по регулированию хозяйственной жизни, в принятии программ промышленного развития страны, активном привлечении иностранных капиталов, проведении денежной реформы, распространении грамотности.

В ходе анализа деятельности государства как актора модернизации В.В. Алексеев предлагает нам новую объяснительную модель причин социального взрыва 1917 года в противовес прежней классовой концепции: по его мнению, опыт капиталистической модернизации в силу поспешности применения пришел в противоречие с традициями России, а социальным взрывом воспользовались социалисты и установили свой строй, продолжив курс на модернизацию, но с другой политической окраской. Признаемся, что не все в этой объяснительной модели выглядит равно убедительным, однако вывод о первичности модернизации как явления цивилизационной значимости и вторичности капитализма и социализма (как преходящих явлений в ней) заслуживает осмысления и дальнейшей научной проработки.

В параграфе 2.3 «Стратегии российской имперской модернизации» (написан К.И. Зубковым) автор обозначает общий ориентир российских модернизаций – «равнение на самую передовую и постоянно поддерживавшую это лидерство европейскую “современность”»⁹, и выделяет две модели модернизации: абсолютистскую (масштабная европеизация при Петре I, критичный отбор заимствуемых инноваций и европеизация самосознания русского общества при Екатерине II) и постабсолютистскую (реформы 1860-х – 1870-х гг., выражавшие тенденцию принципиальных прогрессивных сдвигов в системе взаимоотношений государства и общества, стратегия индустриального прорыва С.Ю. Витте и аграрные реформы П.А. Столыпина, призванные «двинуть вперед» модернизационный процесс за счет модернизации самой полуабсолютистской монархии).

В параграфе 2.4 «Фронтальная модернизация как российский феномен» (написан И.В. Побережниковым) доказывается специфика российской модернизации как фронтальной. В системе доказательств автора выделяется несколько аргументов: условия присоединения и освоения территорий оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации; фронтальная динамика обладала своей логикой; значительная роль транспортного фактора на всем протяжении истории страны; разная степень эффективности аграрной колонизации; промышленная колонизация (в частности, на Урале); значительные усилия по обеспечению безопасности границ и милитаризация фронтальных территорий; раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства.

⁹ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 55.

Маркером фронтальной модернизации, по мнению И.В. Побережникова, выступала разновекторная диффузия, а следствием являлась усиливающаяся фрагментарность общества, очаговый характер модернизации, когда анклавность составляла суть самой модернизации, а промышленные анклавы окружались сохранявшейся традиционной аграрной периферией. Необходимо отметить, что автору в этом разделе удалось искусно «вплести в ткань» объяснительной модели концепцию политологов А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, касающуюся формирования анклавов внутри общества.

Глава 3 «Региональные акторы социальной среды» посвящена, как и следует из названия, активным деятелям модернизации: предпринимателям (параграф 3.1, написан Е.Г. Неклюдовым и В.П. Микитюком), интеллигенции (параграф 3.2, написан Л.А. Дашкевич и В.П. Микитюком), иностранным специалистам (параграф 3.3, написан Е.В. Алексеевой, О.К. Ермаковой, Е.А. Курлаевым, В.П. Микитюком, Е.Ю. Рукосуевым). Глава 4 «Региональные институциональные акторы модернизации» является самой большой по объему: на нее приходится половина текста монографии. Глава состоит из нескольких параграфов:

4.1 «Административный аппарат и рационализация» (написан Е.С. Тулисовым, И.В. Побережниковым, Е.А. Курлаевым, Н.С. Корепановым),

4.2 «Институты самоуправления» (написан Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой, И.В. Побережниковым, О.Н. Богатыревой, С.А. Пьянковым),

4.3 «Общественные добровольные ассоциации» (написан М.Ю. Нечаевой, В.П. Микитюком, Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой, Л.А. Дашкевич),

4.4 «Профессиональные общества» (написан Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой),

4.5 «Представительские организации и партии» (написан В.П. Микитюком, Е.Ю. Рукосуевым).

Обе главы содержат богатый конкретно-исторический материал, призванный продемонстрировать «многообразие движущих сил российской модернизации имперского периода, отнюдь не сводимых только к самодержавному государству»¹⁰. Авторы приходят к выводу, что в развитии всех региональных акторов произошли существенные сдвиги (особенно заметные со второй половины XIX в.), связанные с диверсификацией и интенсификацией экономической и культурной жизни региона. Интересны выводы авторов об изменении образа заводчика – от организатора производства и универсального специалиста (XVIII в.) к заводчику-латифундисту, дистанцировавшемуся от непосредственного управления (первая половина XIX в.), и снова к заводчику-менеджеру второй половины XIX – начала XX в. В целом, как считают авторы рецензируемой монографии, им удалось «обрисовать контуры акторной инфраструктуры мо-

¹⁰ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 310.

дернизации, проанализировать становление ряда значимых акторных социальных и институциональных групп в региональном масштабе, рассмотреть эволюцию их статусов, применяемых стратегий на разных фазах модернизации»¹¹.

Конкретно-исторический материал, по замыслу авторов, должен иллюстрировать теоретические построения, декларированные в первых двух (теоретических) главах книги. Однако тот факт, что эти разделы писала большая группа ученых, приводит к определенному разрыву между двумя частями текста (теоретическими построениями и конкретно-историческими штудиями). Этот разрыв вряд ли полностью устраним даже при серьезной редакторской работе и признании базовой теоретической концепции всеми членами авторского коллектива монографии. При сравнении текстов отдельных параграфов и выводов, резюмируемых из этих параграфов в заключении (написано И.В. Побережниковым), заметна разница во владении теоретическим языком и знанием концепций смежных наук у авторов отдельных разделов и авторов теоретических глав и заключения. К сожалению, такой разрыв – общая беда коллективных монографий, появляющихся в нашей исторической науке.

Из недостатков монографии следует отметить крайне неудобный для чтения, в силу своего миниатюрного размера, шрифт. В сочетании с широким форматом страниц книги это производит особенно удручающее впечатление. Также вряд ли в таком издании оправдано отсутствие специального справочного аппарата – алфавитного и географического указателей, списка источников и литературы и т.п. Однако эти недостатки не умаляют достоинств монографии уральских ученых.

Подводя итог, скажем, что в обширном поле литературы, посвященной тем или иным аспектам российской модернизации, рецензируемая монография вряд ли затеряется: ее отличают серьезная продуманность теоретических подходов (на базе тщательного анализа имеющегося спектра исследовательских традиций) и широкий охват регионального материала как на уровне личностном, так и институциональном.

*О.Ю. Солодянкина,
Доктор исторических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет*

¹¹ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерениеб. С. 312.

In the post-Soviet period, modernization became one of the most attractive topics for representatives of various disciplines of the social and humanitarian profile. This problematic field was where the approaches of foreign historiography were first tested and then Russian innovative concepts began to appear. The authors of the monograph under review represent the Ural school of thought headed by the academician V.V. Alekseev, which develops a specific problematic methodology for studying the spatial and temporal characteristics of Russian modernization, focusing on the correlation of country and regional dynamics, modernization and imperial construction, endogenous and exogenous factors of modernization, and civilizational identity of modernizations in Russia.

The team of authors who worked on this monograph (V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, O.N. Bogatyreva, L.A. Dashkevich, O.K. Ermakova, K.I. Zubkov, E.Yu. Kazakova-Apkarimova, N.S. Korepanov, E.A. Kurlaev, V.P. Mikityuk, E.G. Neklyudov, S.A. Nefedov, M.Yu. Nechaeva, I.V. Poberezhnikov, S.A. P'yankov, E.Yu. Rukosuev, and E.S. Tulisov) represents several generations of scientists and includes both most respected and honoured and quite young and promising scholars. In the case of the humanities, such a combination is usually very effective, which is demonstrated by the monograph under review. It should be noted that the research the monograph was based on was carried out with the support of a grant received from the Russian Science Foundation, which allowed the participants of the research project to organize a larger collection of source materials and to discuss the research concept in various scientific forums.

The structure of the monograph is subordinated to the general intention of the authors: first, the theoretical and methodological foundations of the research are positioned, then the Russian model of modernization is described, and after that the authors move further to the regional level, characterizing regional social actors and analysing institutional actors of modernization. From the authors' point of view, Ural "vividly symbolises the common typological features and national historical specifics of the transition from the traditional to industrial society,"¹ being a region of the frontier modernization, and therefore reflecting the specifics of the country modernization, which was also a frontier one.

¹ V.V. Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization (the 18th – the Beginning of the 20th Century): the regional dimension* [in Russian] (Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016), 6.

The authors methodically systematize the approaches to modernization that have developed both in Russian and in foreign historiography (specificity of Russian modernization, modernization models, and chronological framework of modernization), identifying the disadvantages of previous approaches. The starting point in the process of forming the unique authors' conception was the understanding of the state as almost the only modernizing actor, which was common for most of their predecessors. Having questioned this postulate, the authors turned to the idea of identifying various actors of Russian modernization and determining their role in this process.

The novelty of the authors' approach can be seen in their orientation towards "actionism" understood as "the recognition of the active role of various subjects." Therefore, modernization is seen as "a result of numerous activities, practices, strategies, conflicts, alliances, etc."² Thus, the structural approach plays the role of the theoretical framework, while the methodological basis for studying the actual modernization transformations is the figurative version of the modernization theory developed by I.V. Poberezhnikov. The authors of the collective monograph also use the historical anthropological approach, which makes it possible to "anthropologize the study of the actor infrastructure of modernization, supplementing, in particular, the characteristics of trends with analyses of motivations in the categories of thoughts of historical characters themselves."³

The "tone" of the whole monograph is set by the first chapter "Theoretical and Methodological Foundations" (written by I.V. Poberezhnikov), at the beginning of which the modernization paradigm is described in detail, its versions are examined, and works by leading theorists are analysed. Serious scientific approach is characteristic for the section 1.2 "The Actor Approach," which explains the logic of the formation of research methodology. It is worth noting that the author demonstrates a deep knowledge of historiography, both Russian and foreign, and also professionally works with the concepts of "related" sciences including sociological, political, cultural, and philosophical constructions, skilfully integrating certain ideas into the research methodology.

Chapter 2 "The Russian Modernization Model: Factors, Actors, Context" includes several sections. Section 2.1 "Factors of Russian Imperial Modernization" (written by S.A. Nefedov) is devoted to identifying and describing the factors of modernization which determined "the causes, motivations, and ways of thinking of the active participants (actors) of modernization process,"⁴ which allowed the author to look at the history of Russia of the 17th – early 20th centuries under a certain ("diffusive") angle of view. The key factor of this period was the technical and, in particular, military and technical superiority of the West, while each wave of moderni-

² Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 7.

³ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 26.

⁴ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 33.

zation was accompanied by the process of synthesizing new institutions brought from the West with the old institutions traditional for Russia. So, in the 17th century, two diffusive waves of modernisation could be observed in Europe; they were connected with the appearance of a new type of ocean-going ships in Holland and the military reforms of the Swedish King Gustav Adolf. According to S.A. Nefedov, it is reasonable to consider the subsequent transformations of Peter the Great in Russia in terms of the diffusive theory when the adoption of a new military technology is followed by the adoption of the state, economic, and political institutions of the innovating country, which is why Peter's autocracy was a copy of Swedish military-bureaucratic absolutism with a certain influence of the Dutch cultural circle.

A wave of modernization along the lines of the Prussian model, which was caused by the success of Frederick II, led to the liberation of the nobility from compulsory military service, but overlaid the secondary French diffusive wave that resulted in the "frenchification" of the Russian nobility. One more wave of modernization according to the French model was motivated by the Napoleonic conquests and resulted in military and social reforms. The monograph under review offers to consider the constitutional projects of Speransky and the Decembrists in this context. The British Industrial Revolution and the Second Industrial Revolution in Germany made a new modernization challenge of the 19th century. As a traditionalist reaction to pro-British liberalism, one can perceive the era on the turn of the 1870s – 1880s, when terrorists were seen as "instruments of Western influence"⁵ but the industrialization policy of I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte focused on the German model in the same way as P.A. Stolypin's westernization program of agrotechnical modernization did.

Section 2.2 "The State as an Actor of Imperial Modernization" (written by V.V. Alekseev) identifies two main stages of imperial modernization: the Peter's (1700–1860) and the Alexander's (1861–1916). However, the author suggests considering the possibility of singling out the Witte's Stage (1883–1906), "during which S.Yu. Witte gave the most powerful impetus to imperial modernization but, not being the first person in the state..., he could not completely control its course."⁶ Describing rather weak modernization initiatives of most emperors, V.V. Alekseev proposes to review the well-established characteristics of the Decembrists and to perceive them as undervalued actors of the Russian modernization. A clear assessment is also given to the level of Russia's lag behind the advanced powers of the time: the lag was of stadial character and while "the whole world entered the new industrial stage of development, Russia still remained a traditional agrarian country."⁷

⁵ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 39.

⁶ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 42.

⁷ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 44.

The actor role of the state, according to the Ural scientist, manifested in the decision to abolish serfdom and the subsequent implementation of a number of reforms, in the deployment of railway construction, in active measures used to regulate economic life, in adopting industrial development programs of the country, actively attracting foreign capital, in carrying out the monetary reform, and in the spread of literacy.

Analysing the activities of the state as an actor of modernization, V.V. Alekseev offers us a new explanatory model of the causes of the social explosion of 1917, as opposed to the former class concept. In his opinion, the experience of capitalist modernization, because of its haste of use, came into a conflict with Russian traditions, and the socialists took advantage of the social explosion and continued with their focus on modernization, but with a completely different political colour. We admit that not everything in this explanatory model looks equally convincing, however, the conclusion about the primacy of modernization as a phenomenon of civilizational significance and the secondary nature of capitalism and socialism (seen as passing phenomena in it) deserves comprehension and further scientific elaboration.

In section 2.3 “Strategies of Russian imperial modernization” (written by K.I. Zubkov), the author refers to the general guideline of Russian modernization with its “orientation towards the most advanced European ‘modernity’”⁸ and identifies two models of modernization: the absolutist one (large-scale Europeanization under Peter I, critical selection of borrowed innovations and Europeanization of the self-consciousness of Russian society under Catherine II) and the post-absolutist one (reforms of the 1860s – 1870s, expressing the tendency of fundamental progressive shifts in the system of relations between the state and society, the strategy of industrial breakthrough of S.Yu. Witte and the agrarian reforms of P.A. Stolypin, intended to “move forward” the modernization process by modernizing the semi-absolutist monarchy itself).

In section 2.4 “Frontier modernization as a Russian phenomenon” (written by I.V. Poberezhnikov), a specific character of Russian frontier modernization is proved. In the evidence system of the author, several arguments stand out: the conditions of accession and development of territories had an impact on the further course of modernization; frontier dynamics had its own logic; the significant role of the transport factor throughout the country's history; varying degrees of effectiveness of agrarian colonization; industrial colonization (in particular, in the Urals); significant efforts to ensure border security and militarization of the frontier territories; and early formation of a fairly effective traditionalist state. According to I.V. Poberezhnikov, a multidirectional diffusion was a marker of the frontier modernization, while the growing fragmentation of society, and the focal nature of modernization,

⁸ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 55.

when the enclaves formed the essence of modernization itself and industrial enclaves were surrounded by the traditional agrarian periphery, were its consequences. It should be noted that the author in this section managed to skilfully integrate the concept of political scientists A.D. Bogaturov and A.V. Vinogradov, concerning the formation of enclaves within society, into the explanatory model.

Chapter 3 “Regional actors of the social environment” is devoted, as the name implies, to active leaders of modernization: entrepreneurs (section 3.1, written by E.G. Neklyudov and V.P. Mikityuk), intellectuals (section 3.2, written by L.A. Dashkevich and V.P. Mikityuk), foreign specialists (section 3.3, written by E.V. Alekseeva, O.K. Ermakova, E.A. Kurlayev, V.P. Mykytyuk, and E.Yu. Rukosuev).

Chapter 4 “Regional institutional modernization actors” is the largest in terms of length: it accounts for half of the the monograph’s length. The chapter consists of several sections:

4.1 “Administrative apparatus and rationalization” (written by E.S. Tulisov, I.V. Poberezhnikov, E.A. Kurlaev, and N.S. Korepanov),

4.2 “Institutions of self-government” (written by E.Yu. Kazakova-Apkarimova, I.V. Poberezhnikov, O.N. Bogatyreva, and S.A. P’yankov),

4.3 “Public voluntary associations” (written by M.Yu. Nechaeva, V.P. Mikityuk, E.Yu. Kazakova-Apkarimova, and L.A. Dashkevich),

4.4 “Professional Societies” (written by E.Yu. Kazakova-Apkarimova),

4.5 “Representative organizations and parties” (written by V.P. Mikityuk and E.Yu. Rukosuev).

Both chapters contain rich specific historical material intended to demonstrate “the diversity of the driving forces of Russian modernization of the Imperial period, which is by no means reducible only to the autocratic state.”⁹ The authors conclude that in the development of all regional actors there have been significant changes (especially noticeable since the second half of the 19th century), associated with the diversification and intensification of the economic and cultural life of the region. The authors’ conclusions on the changes in the manufacturer’s image are interesting – from the production organizer and universal specialist (the 18th century) to the manufacturer-latifundist, distanced from direct management (the first half of the 19th century), and again to the manufacturer-manager of the second half of the 19th – early 20th century. In general, according to the opinion of the authors of the monograph under review, they managed to “define the outlines of the actor infrastructure of modernization, analyse the formation of a number of significant actor social and institutional groups on a regional scale, consider the evolution of their statuses and strategies used on different phases of modernization.”¹⁰

⁹ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 310.

¹⁰ Alekseev et al., *Actors of Russian Imperial Modernization*, 312.

Specific historical material, according to the authors, should illustrate the theoretical constructions declared in the first two (theoretical) chapters of the book. However, the fact that these sections were written by a large group of scientists leads to a definite gap between the two parts of the text (theoretical concepts and concrete historical studies). This gap is unlikely to be completely eliminated even with serious editorial work and the recognition of the basic theoretical concept by all members of the authors' team of the monograph. When comparing the texts of individual paragraphs and the conclusions summarized from those paragraphs in the final conclusion (written by I.V. Poberezhnikov), there is a noticeable difference in the knowledge of theoretical language and knowledge of the concepts of related sciences among the authors of separate sections and the authors of theoretical chapters and the conclusion. Unfortunately, such a gap is quite a common problem of collective monographs appearing in our historical science.

Among the disadvantages of the monograph, it should be noted that the font is extremely inconvenient for reading due to its miniature size. In combination with the wide format of the book pages, this makes a particularly depressing impression. It is also unlikely that such a publication justifies the absence of a special reference device – alphabetical and geographical indexes, a list of sources and literature, etc. However, these disadvantages do not deteriorate the merits of the monograph written by the Ural scientists.

Summing up, let us say that in the vast field of literature devoted to one or another aspect of Russian modernization, the monograph under review is hardly to get lost: it is distinguished by the serious thoughtfulness of theoretical approaches (based on a thorough analysis of the existing spectrum of research traditions) and wide coverage of regional material both at the personal and institutional levels.

O.Yu. Solodyankina
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Cherepovets State University